

Тайлак Хыззын / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy, Satiriki hekaýalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Тайлак Хыззын / рассказ ТАЙЛАК ХЫЗЗЫН

Человек с таким именем только нынешним летом приехал к нашему соседу Мураду. На нем был синий выцветший халат и поношенная шапка. Был он худощавый, низенького роста, но на вид бравый и проворный.

Явился в дом к Мураду он неожиданно – как с неба свалился. Едва сел сосед читать книжку, как вдруг залаяла собака и бросилась к калитке. Кто-то с такой силой колотил в нее, что, казалось, она сейчас слетит с петель. Мурад выбежал во двор и спросил, кто это так стучит.

– Открой-ка, открой, а потом познакомимся! – ответил хрипловатый голос за калиткой, которая снова задрожала под мощными ударами.

Мурад впустил напористого гостя. Тот снял с плеча громадный мешок, отер пот и душевно потряс руку Мураду.

– Ну, как, узнаешь меня?! – спросил он по-свойски.

Мурад нерешительно пожал плечами.

– Да, незнакомца не уважают, как говорится, – продолжал между тем гость. – Так-то, племянничек... Что ты поднял брови? Удивляешься!.. Да, да, я твой дядя из Челтека. А зовут меня Тайлак Хыззын. Теперь узнал меня?..

Услышав имя незнакомца, Мурад едва сдержал смех.

– До сих пор я думал, что у меня нет дяди в Челтеке.

– Ты, наверно, не расслышал меня. Имя мое Хыззын, понимаешь, ты можешь и не знать меня. У кого нет матери, может и дяди не быть, как говорится. Ты был совсем маленьким, когда умерла моя бедная сестра Нязик...

Человек, назвавшийся дядей, искажил имя его матери.

Правильно говорят в народе: «Если плохой гость и не причинит вреда хозяину, то, в крайнем случае, напустит дыма ему в глаза». До дыма дело не дошло, но пыль стояла столбом, когда гость выбивал прямо в комнате свои огромные чарыки. При этом

он время от времени плевал жевательным насом (табаком) на кошму.

Окончательно познакомился «племянник» с «дядей» за чаем.

— Сколько стоит на вашем базаре стакан джиды? — спросил «дядя», ласково поглаживая свой большой мешок.

— Я не продаю ее, — сухо ответил Мурад. Но гость не обратил на это внимания и продолжал спрашивать о цене на ламповые стекла, батареи для приемников, детские свистульки...

— Даже если стакан джиды пойдет по рублю, и то я смогу приобрести триста ламповых стекол, — рассуждал он вслух. — Райпо у нас нерасторопное, и стекла пойдут по двойной цене...

— А зачем вы, собственно, приехали? — осторожно осведомился Мурад.

— Сдавать экзамены! — гордо ответил гость. — Хочу получить образование, верней, диплом...

— А джида и стекла зачем?

— Да затем же... Продам джиду, куплю стекла. Продам стекла — снова куплю джиду. Продам джиду — опять куплю стекла. Продам стекла — опять куплю джиду...

— Ну, а потом, потом? — не выдержав, перебил его Мурад.

— Потом куплю диплом и стану учителем!.. — спокойно ответил гость. — Надоело быть школьным завхозом.

Гость разошелся во всю.

— Что ты понимаешь в жизни! — поучал он Мурада. — Учись у меня, пока я жив. Так вот: деньги, племянничек, это все!.. Вот у меня работа на что уж неважная, и то прибыль имею. Объявил как-то в школе конкурс: кто сошьет лучшую тюбетейку — большую премию получит. Через месяц принесли дети больше ста тюбетеек. Я за каждую на базаре по 5 рублей взял. А победителю конкурса премию преподнес: коробку цветных карандашей «Спартак» за тридцать две копейки.

Нужно сказать, что гость, пока жил в доме Мурада, успешно применял свою систему и к его детям. Увидит у сынишки Мурада орехи и говорит:

— А ну-ка, дорогой мой, одолжи мне один орех, и мы с тобой сыграем!.. Ну-ка, у кого парные, у кого непарные?

Минут через пять он уже колот и ел свой выигрыш.

Так пролетел месяц. Собственно, для моего соседа Мурада этот месяц не летел. Он тащился, как тяжело груженный упрямый ишак. Но всему бывает конец. В один прекрасный день Тайлак Хыззын объявил «племяннику», что ему нужно ехать. У Мурада сердце запрыгало от радости. Он осведомился у «дяди» о его делах.

– Ничего дела... – ответил тот. – Диплома не дали. Видно, денег мало предлагал. Ещё милицию звать стали...

Он ушел и к вечеру вернулся с сотней ламповых стекол, с детскими свистульками и двумя батареями к приемнику.

В последний вечер «дядя» так заплевал жеваным кошму, что негде было ступить. Но Мурад ничего не сказал. Он так был доволен отъездом своего «родственника», что прощал ему все. Он ему даже как-то симпатичней показался в последний вечер, этот Тайлак Хыззын...

* * *

Не прошло и недели после отъезда «дяди», как Мурад получил от него взволнованное письмо. «Понимаешь, – писал он, – эти негодяи из института не только обидели меня, отказавшись от моих денег и не дав мне диплома. Они еще написали об этом в школу. И теперь меня уволили с работы. За что?! Если я им в тот раз предложил мало, то надо было сказать, поторговаться. Так между честными людьми не делается... Ты там пописываешь в газеты и даже книги пишешь. Так ты разоблачи их, этих жуликов... А я уж тебе сразу, как про них в газету напишешь, целую баранью ногу пришлю!..»

Мой сосед Мурад не стал об этом писать. Пришлось мне. Так что жду теперь от Тайлак Хыззына целую баранью ногу.

Нурберды ПОММА.

Перевод М.Шамиса Satiriki hekaýalar